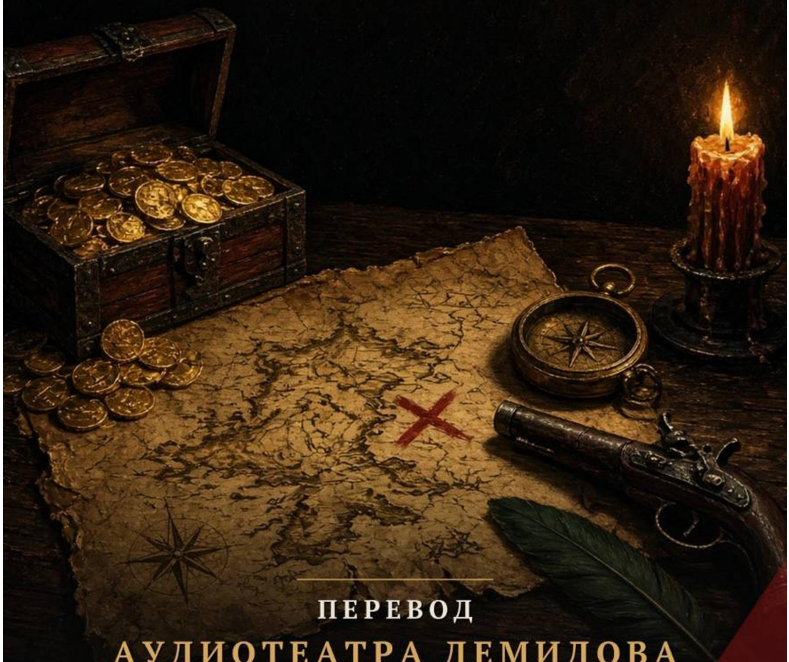
РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

ПЕРЕВОД
АУДИОТЕАТРА ДЕМИДОВА

Роберт Стивенсон
Остров сокровищ

https://litres.ru/74680327
SelfPub; 2026

Аннотация

Юный Джим Хокинс помогает матери в придорожном трактире «Адмирал Бенбоу», пока однажды туда не является старый моряк со шрамом через всю щёку и тяжёлым морским сундуком. Вслед за ним приходят Чёрный Пёс, слепой Пью и чёрная метка, а в сундуке капитана обнаруживается карта острова, где зарыты сокровища пирата Флинта. Сквайр Трелони снаряжает шхуну «Испаньола», доктор Ливси и капитан Смоллетт отправляются в плавание, а в команду нанимается обаятельный одноногий кок Джон Сильвер. Впереди — заговор в бочке с яблоками, бой за частокол, отчаянные вылазки Джима и поиски клада, за который придётся заплатить слишком высокую цену. Классический приключенческий роман Роберта Льюиса Стивенсона в новом полном переводе «Аудиотеатра Демидова»: живой современный язык, бережно сохранённые морской колорит, песни и юмор оригинала.

Содержание

Часть первая. Старый пират 4
I. Старый морской волк в «Адмирале Бенбоу» 4
II. Чёрный Пёс появляется и исчезает 13
III. Чёрная метка 22
IV. Морской сундук 30
V. Конец слепца 38
VI. Бумаги капитана 46
Часть вторая. Судовой повар 55
VII. Я еду в Бристоль 55
VIII. Под вывеской «Подзорная труба» 63
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Роберт Стивенсон
Остров сокровищ

Часть первая. Старый пират

I. Старый морской волк в «Адмирале Бенбоу»

Сквайр Трелони, доктор Ливси и остальные джентльмены попросили меня записать всю историю Острова сокровищ, от начала до конца. Утаить они велели лишь местоположение острова, да и то потому, что не все сокровища ещё вывезены. И вот в 17— году от Рождества Христова я беру перо и возвращаюсь к тем временам, когда мой отец держал трактир «Адмирал Бенбоу», а под нашей крышей впервые поселился смуглый старый моряк со шрамом от сабли.

Помню, как он подошёл к дверям трактира, тяжело ступая, словно это было вчера. Следом на ручной тележке везли его морской сундук. Он был высокий, крепкий, грузный, с кожей тёмной, как орех. Просмолённая косица свисала на плечо грязного синего кафтана. Руки у него были изранены и покрыты рубцами, ногти — чёрные и обломанные, а поперёк

щеки тянулся грязновато-белый, синюшный шрам от сабли. Помню, как он оглядел бухту, насвистывая себе под нос, а потом запел старую матросскую песню, которую мы ещё не раз от него слышали:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца —

Йо-хо-хо, да бутылка рома!»

Пел он высоким, дребезжащим старческим голосом, словно надорванным песнями у вымбовок корабельного шпиля. Потом постучал в дверь палкой, похожей на вымбовку, а когда вышел мой отец, грубо потребовал стакан рома. Получив ром, моряк пил медленно, словно знаток, смакуя каждый глоток. При этом он всё поглядывал то на утёсы, то на нашу вывеску.

— Удобная бухточка, — произнёс он наконец. — И трактир стоит в славном месте. Народу много бывает, приятель?

Отец ответил, что народу бывает мало, к сожалению.

— Ну так здесь я и брошу якорь, — сказал моряк и окликнул человека с тележкой: — Эй, приятель, подкатывай сюда и помоги поднять сундук. Я тут поживу немного. Человек я простой: мне нужны ром, бекон с яйцами да вон тот мыс, чтобы высматривать корабли в море. Как меня звать? Зови капитаном. А, вижу, о чём ты думаешь. Вот. — Он бросил на порог три или четыре золотые монеты. — Скажешь, когда я их истрачу, — добавил он и свирепо взглянул на отца, словно привык командовать.

И впрямь, при всей своей поношенной одежде и грубой речи он ничуть не походил на рядового матроса. Скорее уж на помощника капитана или самого капитана — человека, привыкшего, что ему повинуются, а если нет, он пускает в ход кулаки. Человек с тележкой рассказал нам, что накануне утром моряк сошёл с почтовой кареты у «Королевского Георга» и расспросил о трактирах на побережье. О нашем он, должно быть, услышал добрые слова и узнал, что стоит он на отшибе. Потому и выбрал его для жилья. Больше о постояльце мы ничего не узнали.

Обычно он был очень молчалив. Целыми днями бродил вдоль бухты или по утёсам с латунной подзорной трубой, а вечерами сидел у огня в углу общей комнаты и пил крепкий ром с водой. Когда к нему обращались, он чаще всего не отвечал: только резко поднимал голову, свирепо смотрел и шумно выдыхал носом, точно туманный горн. Вскоре и мы, и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, возвращаясь с прогулки, он спрашивал, не проходили ли по дороге моряки. Поначалу мы думали, что ему недостаёт общества своих собратьев, но со временем поняли: он хочет держаться от них подальше. Если моряк всё-таки останавливался в «Адмирале Бенбоу» — такое порой случалось с теми, кто шёл береговой дорогой в Бристоль, — капитан сперва разглядывал его из-за занавески на двери и лишь потом входил в общую комнату. А пока такой гость оставался там, сидел тише мыши. Мне, по крайней мере, причина была

известна: капитан в какой-то мере сделал меня участником своих тревог. Однажды он отвёл меня в сторону и пообещал давать первого числа каждого месяца серебряную четырёхпенсовую монету, если я буду смотреть в оба, высматривая моряка с одной ногой, и сразу сообщу, едва тот появится. Частенько, когда наступало первое число и я приходил за платой, капитан лишь сердито сопел и так смотрел на меня, что я отступал. Но неделя ещё не успевала пройти, как он передумывал, отдавал мне монету и снова велел высматривать «моряка с одной ногой».

Нечего и говорить, как этот человек преследовал меня во сне. В бурные ночи, когда ветер сотрясал весь дом, а прибой грохотал в бухте и бился об утёсы, моряк с одной ногой являлся мне в тысяче обличий, с тысячью дьявольских выражений на лице. То нога у него была отрублена по колено, то у самого бедра; то он превращался в чудовище, у которого отродясь была всего одна нога, и та росла посередине туловища. Хуже всего были сны, в которых он прыгал и бежал за мной через изгороди и канавы. Так что за свои ежемесячные четыре пенса я расплачивался довольно дорого — этими жуткими видениями.

Но при всём страхе перед моряком с одной ногой самого капитана я боялся куда меньше, чем остальные, кто его знал. В иные ночи он выпивал больше рома с водой, чем мог вынести, и тогда порой сидел и распевал свои старые, буйные, бесстыжие матросские песни, ни на кого не обращая внима-

ния. А порой требовал стаканы для всех и заставлял дрожащих посетителей слушать его рассказы или подпевать ему хором. Не раз я слышал, как весь дом сотрясался от «Йо-хо-хо, да бутылка рома!». Соседи подпевали, перепуганные насмерть, и каждый старался перекричать другого, чтобы капитан к нему не придрался. В такие минуты он становился невыносимо властным: хлопал ладонью по столу, требуя тишины; приходил в ярость, если ему задавали вопрос, а иной раз — если вопросов не задавали, потому что решал: его рассказ не слушают. И никому не позволял уйти из трактира, пока сам не напивался до сонливости и, пошатываясь, не отправлялся спать.

Больше всего людей пугали его рассказы. Страшные это были истории — о виселицах, о том, как людей гнали по доске за борт, о морских бурях, об островах Драй-Тортугас, о лихих делах и диких местах на карибском побережье испанских владений в Америке. Если верить ему самому, всю жизнь он провёл среди самых отъявленных злодеев, каких Господь когда-либо терпел на море. А речь, которой он вёл свои рассказы, потрясала наших простых сельских жителей едва ли не сильнее описанных преступлений. Отец всё повторял, что капитан разорит трактир: кому захочется приходить, чтобы над ним помыкали, унижали его, а потом отправляли спать дрожащим от страха? Но я и вправду думаю, что капитан нам даже помогал. Люди пугались, пока слушали его, зато потом вспоминали эти вечера с удовольствием.

Для тихой деревенской жизни это было славное развлечение. Нашлись даже молодые люди, которые делали вид, будто восхищаются им: называли его «настоящим морским волком», «старым просоленным моряком» и говорили, что именно такие люди сделали Англию грозой морей.

И всё же в одном отношении он действительно мог нас разорить. Он оставался у нас неделю за неделей, а потом и месяц за месяцем. Уплаченные им деньги давно кончились, но отец так и не набрался духу потребовать ещё. Стоило ему заикнуться об этом, как капитан начинал так громко фыркать, что это походило на рёв, и глядел на моего бедного отца, пока тот не уходил из комнаты. Я видел, как после такого отпора отец заламывал руки. Уверен, что тревога и страх, в которых он жил, сильно приблизили его безвременную смерть.

За всё время, что капитан прожил у нас, он купил из одежды только чулки у разносчика. Один угол его треуголки обвис, и капитан оставил его как есть, хотя на ветру тот очень мешал. Помню и его кафтан: капитан сам латал его у себя наверху, и под конец кафтан состоял из одних заплат. Он никому не писал и ни от кого не получал писем. Разговаривал только с соседями, да и то главным образом когда напивался рому. Большой морской сундук никто из нас ни разу не видел открытым.

Лишь однажды ему дали отпор. Это случилось ближе к концу, когда мой бедный отец уже угасал от болезни, которая вскоре свела его в могилу. Как-то под вечер доктор Ли-

вси приехал осмотреть отца. Он немного поел из того, что подала мать, после чего прошёл в гостиную покурить трубку и подождать, пока из деревушки приведут его лошадь: при старом «Адмирале Бенбоу» конюшни не было. Я пошёл за ним и помню, как разительно отличался опрятный, бодрый доктор с белоснежно напудренными волосами, блестящими чёрными глазами и приветливыми манерами от неуклюжих деревенских жителей, а особенно от нашего пирата — грязного, грузного пугала с мутными глазами. Тот сидел, положив руки на стол, и был уже порядком пьян. Вдруг капитан затянул свою вечную песню:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца —

Йо-хо-хо, да бутылка рома!

Пьянка и дьявол сгубили остальных,

Йо-хо-хо, да бутылка рома!»

Поначалу я думал, что «сундук мертвеца» — это и есть тот самый большой ящик, что стоял у капитана наверху, в комнате окнами на улицу. В моих кошмарах он являлся вместе с одноногим моряком. Но к тому времени мы уже давно перестали обращать на песню внимание. В тот вечер она была внове только доктору Ливси, и я заметил, что она ему не понравилась: он на миг сердито поднял глаза, а потом вернулся к разговору со старым садовником Тейлором о новом

средстве от ревматизма. Между тем капитан от собственной песни мало-помалу развеселился и наконец хлопнул ладонью по столу. Мы все знали, что это означает: замолчать. Все тотчас умолкли, кроме доктора Ливси. Он по-прежнему говорил ясно и доброжелательно, затягиваясь трубкой чуть ли не после каждого слова. Капитан некоторое время сверлил его взглядом, снова хлопнул по столу, уставился ещё свирепее и наконец, грязно выругавшись, прорычал:

— Тихо там, на нижней палубе!

— Вы ко мне обращаетесь, сударь? — спросил доктор. Негодяй подтвердил это ещё одним ругательством, и доктор продолжил: — Я скажу вам только одно, сударь: если вы будете и дальше пить ром, мир скоро избавится от весьма грязного мерзавца.

Ярость старика была ужасна. Он вскочил, выхватил и раскрыл складной матросский нож, положил его на ладонь и пригрозил пригвоздить доктора к стене.

Доктор даже не шелохнулся. Он ответил капитану через плечо тем же голосом, что и прежде: чуть громче, чтобы слышали все, но совершенно спокойно и твёрдо:

— Если вы сейчас же не уберёте нож в карман, клянусь честью, на ближайшей выездной сессии суда вас повесят.

Они померились взглядами. Вскоре капитан сдался, убрал нож и снова сел, ворча, как побитый пёс.

— А теперь, сударь, — продолжал доктор, — раз уж я узнал, что в моём округе есть такой человек, можете быть

уверены: я буду следить за вами и днём и ночью. Я ведь не только врач, но и мировой судья. Если до меня дойдёт хоть одна жалоба на вас, пусть даже за такую грубость, как сегодня, я приму меры, чтобы вас разыскали и вышвырнули отсюда. Этого достаточно.

Вскоре к дверям привели лошадь доктора Ливси, и он уехал. Капитан же молчал весь остаток вечера и ещё много вечеров после того.

II. Чёрный Пёс появляется и исчезает

Вскоре после этого случилось первое из таинственных происшествий, которые в конце концов избавили нас от капитана, хотя, как вы увидите, не от связанных с ним хлопот. Зима стояла лютая: подолгу держались крепкие морозы, налетали штормовые ветры. С самого начала было ясно, что мой бедный отец едва ли доживёт до весны. Он слабел день ото дня, и мы с матерью вдвоём управлялись в трактире. Дел нам хватало и без забот о неприятном постояльце.

Как-то ранним январским утром мороз щипал лицо, бухта вся поседела от инея, а мелкие волны тихо плескались о камни. Солнце стояло низко: его лучи касались только вершин холмов да моря далеко от берега. Капитан поднялся раньше обычного и пошёл вдоль берега. Под широкими полами старого синего сюртука у него раскачивалась абордажная сабля, под мышкой он нёс медную подзорную трубу, а шляпа была сдвинута на затылок. Помню, как за ним, словно дым, тянулся пар от дыхания. Скрываясь за большой скалой, он громко фыркнул от возмущения. Похоже, мысли его всё ещё были заняты доктором Ливси.

Мать была наверху, с отцом, а я накрывал стол к возвращению капитана, когда открылась дверь гостиной и вошёл человек, которого я прежде никогда не видел. Он был бледен, лицо у него казалось восковым, а на левой руке не хва-

тало двух пальцев. При нём была абордажная сабля, но на бойца он походил мало. Я всегда присматривался к морякам — и к тем, у кого одна нога, и к тем, у кого обе, — а этот незнакомец меня озадачил. С виду он был вовсе не моряк, однако что-то морское в нём всё же чувствовалось.

Я спросил, что ему подать. Он попросил рому, но, когда я собрался за ним идти, уселся на стол и поманил меня к себе. Я замер на месте с салфеткой в руке.

— Подойди сюда, сынок, — сказал он. — Поближе подойди.

Я шагнул к нему.

— Это тут для моего приятеля Билла накрыто? — спросил он с неприятной ухмылкой.

Я ответил, что никакого Билла не знаю, а стол накрыт для нашего постояльца, которого мы называем капитаном.

— Ну, моего приятеля Билла тоже, пожалуй, капитаном назвали бы, — сказал незнакомец. — На одной щеке у него порез, а обхождение самое милое, особенно когда выпьет. Допустим, у вашего капитана на щеке порез. И допустим, если хочешь, что щека эта правая. Ну вот! Я же говорил. Так мой приятель Билл здесь?

Я сказал, что капитан вышел прогуляться.

— Куда пошёл, сынок? В какую сторону?

Я показал ему скалу, объяснил, каким путём капитан, вероятнее всего, вернётся и когда его ждать, и ответил ещё на несколько вопросов. — Ага, — сказал незнакомец, — для

моего приятеля Билла это будет не хуже выпивки.

Лицо у него при этих словах приняло такое выражение, что мне стало не по себе. Да и были у меня причины думать, что он ошибается, даже если говорил искренне. Но, решил я, меня это не касается; к тому же я не знал, что предпринять. Незнакомец держался у самой двери трактира, внутри, и выглядывал из-за угла, точно кот, подстерегающий мышь. Я сам разок вышел на дорогу, но он тут же окликнул меня. Я вернулся недостаточно быстро, и его восковое лицо вдруг страшно исказилось. Он выругался и велел мне зайти внутрь — я даже вздрогнул. Стоило мне вернуться, как он снова заговорил по-прежнему: то заискивал, то насмехался. Похлопал меня по плечу, сказал, что я славный мальчик и очень ему понравился. «У меня и у самого сын есть, — сказал он, — похож на тебя как две капли воды. Он — вся моя гордость. Только мальчишкам прежде всего нужна дисциплина, сынок. Дисциплина! Плавал бы ты с Биллом — не заставил бы его повторять приказ дважды. У Билла так не водилось, и у тех, кто с ним плавал, тоже. А вот и он, мой приятель Билл, идёт с подзорной трубой под мышкой. Будь он здоров! Пойдём-ка, сынок, обратно в гостиную, спрячемся за дверью и устроим Биллу маленький сюрприз. Будь он здоров, повторяю!»

Говоря это, незнакомец попятился в гостиную и увёл меня за собой. Он поставил меня за своей спиной, в углу, так что открытая дверь скрыла нас обоих. Мне, как нетрудно пред-

ставить, было тревожно и страшно, а ещё страшнее стало, когда я заметил, что незнакомец и сам боится. Он освободил рукоять абордажной сабли и чуть выдвинул клинок из ножен. Всё время, пока мы ждали, он то и дело сглатывал, будто у него, как мы говорили, ком стоял в горле.

Наконец капитан вошёл, с размаху захлопнул за собой дверь и, не глядя по сторонам, прямиком направился к приготовленному завтраку.

— Билл, — произнёс незнакомец, стараясь, как мне показалось, говорить смело и громко.

Капитан резко повернулся к нам. От его привычной смуглоты не осталось и следа, даже нос посинел. Так выглядит человек, увидевший привидение, самого дьявола или что-нибудь ещё хуже, если такое возможно. Честное слово, мне стало его жаль: в один миг он словно состарился и занемог.

— Ну же, Билл, ты меня знаешь. Старого товарища по плаванию уж наверняка узнаёшь, — сказал незнакомец.

Капитан судорожно втянул воздух.

— Чёрный Пёс! — выговорил он.

— А кто же ещё? — отозвался тот, уже немного осмелев. — Тот самый Чёрный Пёс пришёл повидать старого товарища Билли в трактире «Адмирал Бенбоу». Эх, Билл, Билл, сколько всего мы с тобой повидали с тех пор, как я лишился этих двух когтей! — Он поднял искалеченную руку.

— Слушай, — сказал капитан. — Ты меня выследил. Вот я перед тобой. Ну так говори, чего тебе надо?

— Это в твоём духе, Билл, — ответил Чёрный Пёс. — Верно говоришь, Билли. Пусть этот милый мальчик, который мне так приглянулся, принесёт стакан рому. А мы сядем, если позволишь, и поговорим начистоту, как старые товарищи по плаванию.

Когда я вернулся с ромом, они уже сидели по обе стороны стола, накрытого к завтраку капитана. Чёрный Пёс устроился возле двери, вполоборота: одним глазом он следил за старым товарищем по плаванию, а другим, как мне показалось, — за путём к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь настежь. — Не люблю я, сынок, когда подслушивают у замочной скважины, — сказал он. Я оставил их вдвоём и ушёл в трактирный зал.

Долгое время, хотя я изо всех сил прислушивался, до меня доносилось только глухое бормотание. Наконец голоса стали громче, и я смог разобрать несколько слов — главным образом капитанские ругательства.

— Нет, нет, нет и нет! И разговор окончен! — крикнул он. А потом я услышал: — Если дойдёт до петли — так висеть всем, говорю я!

Вдруг раздался взрыв ругательств и грохот. Стол и стул разом опрокинулись, звякнули клинки, кто-то вскрикнул от боли — и в следующий миг я увидел, как Чёрный Пёс мчится прочь, а капитан гонится за ним по пятам. У обоих были обнажены абордажные сабли; из левого плеча Чёрного Пса струилась кровь. У самой двери капитан нанёс беглецу по-

следний страшный удар. Он наверняка рассёк бы его до самого хребта, если бы сабля не угодила в большую вывеску «Адмирал Бенбоу». Зарубину на нижней стороне рамы можно увидеть и по сей день.

Этим ударом схватка закончилась. Выбежав на дорогу, Чёрный Пёс, несмотря на рану, помчался с поразительной прытью и через полминуты скрылся за гребнем холма. Капитан же стоял и смотрел на вывеску, словно ничего не понимал. Потом несколько раз провёл рукой по глазам и наконец вернулся в дом.

— Джим, — сказал он, — рому. При этом капитан слегка пошатнулся и опёрся рукой о стену.

— Вас ранили? — воскликнул я.

— Рому, — повторил он. — Мне надо отсюда убираться. Рому! Рому!

Я бросился за ромом, но случившееся так меня потрясло, что я разбил стакан, напутал что-то с краном бочонка и только мешал сам себе. Тут из комнаты донёсся грохот. Я вбежал туда и увидел капитана: он лежал, вытянувшись во весь рост, на полу. В ту же минуту мать, встревоженная криками и шумом драки, сбежала по лестнице мне на помощь. Вместе мы приподняли ему голову. Он дышал шумно и с трудом, глаза его были закрыты, а лицо стало какого-то страшного цвета.

— Господи помилуй! — воскликнула мать. — Какой позор для нашего дома! А ведь твой бедный отец болен!

Мы понятия не имели, как помочь капитану, и думали

лишь о том, что незнакомец смертельно ранил его во время схватки. Я всё-таки принёс ром и попытался влить ему в рот, но зубы у него были стиснуты, а челюсти словно железные. Какое же облегчение мы испытали, когда дверь открылась и вошёл доктор Ливси, пришедший навестить моего отца!

— Доктор! — воскликнули мы. — Что нам делать? Куда его ранили?

— Ранили? Вздор! — сказал доктор. — Он ранен не больше, чем мы с вами. У него случился удар, как я и предупреждал. Миссис Хокинс, поднимитесь к мужу и, если сможете, ничего ему об этом не говорите. А я постараюсь спасти жизнь этому человеку, хоть она трижды гроша не стоит. Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже распорол капитану рукав и обнажил его большую жилистую руку. В нескольких местах на ней были татуировки. На предплечье аккуратно и разборчиво были выведены слова: «Удача», «Попутный ветер» и «Причуда Билли Бонса». Выше, у самого плеча, виднелась виселица с повешенным; нарисован он был, на мой взгляд, очень живо.

— Пророческий рисунок, — сказал доктор, коснувшись его пальцем. — А теперь, господин Билли Бонс, если вас так зовут, посмотрим, какого цвета у вас кровь. Джим, — обратился он ко мне, — ты крови боишься?

— Нет, сэр, — ответил я.

— Тогда держи таз, — сказал он, взял ланцет и вскрыл

вену.

Доктор выпустил немало крови, прежде чем капитан открыл глаза и мутным взглядом обвёл комнату. Сначала он узнал доктора и нахмурился; потом заметил меня и, казалось, успокоился. Но вдруг лицо его изменилось. Он попытался приподняться и закричал: — Где Чёрный Пёс?

— Здесь нет никакого Чёрного Пса — разве что тот, что сидит у вас на спине, — сказал доктор. — Вы напились рома, у вас случился удар, в точности как я предупреждал. И я только что, против собственного желания, вытащил вас из могилы головой вперёд. А теперь, господин Бонс…

— Меня так не зовут, — перебил его капитан.

— Мне всё равно, — ответил доктор. — Так зовут одного знакомого мне буканьера, а вас я называю этим именем для краткости. И вот что я вам скажу: одна рюмка рома вас не убьёт, но за первой вы выпьете вторую, потом третью. Ставлю на кон свой парик: если вы немедленно не бросите пить, то умрёте. Слышите? Умрёте и отправитесь туда, где вам место, как тот человек из Библии. Ну же, соберитесь. На этот раз я помогу вам добраться до постели.

С большим трудом мы вдвоём подняли его наверх и уложили на кровать. Голова капитана откинулась на подушку, словно он вот-вот потеряет сознание.

— Запомните, — сказал доктор, — я вас предупредил и совесть моя чиста: для вас ром — это смерть.

С этими словами он отправился к моему отцу, взяв меня

за руку.

— Это ещё ничего, — сказал он, едва закрыв за собой дверь. — Я выпустил достаточно крови, чтобы он какое-то время лежал смирно. Ему следует провести в постели неделю — так будет лучше и для него, и для вас. Но ещё один удар его прикончит.

III. Чёрная метка

Около полудня я подошёл к двери капитанской комнаты с прохладным питьём и лекарствами. Он лежал почти так же, как мы его оставили, только чуть повыше, и казался одновременно слабым и возбуждённым.

— Джим, — сказал он, — ты здесь один чего-то стоишь. И ведь знаешь, я всегда к тебе хорошо относился. Не было месяца, чтобы я не давал тебе серебряную четырёхпенсовую монету. А теперь, видишь, приятель, мне совсем худо, и все меня бросили. Принесёшь мне стаканчик рома, Джим? А, приятель?

— Но доктор… — начал я.

Он перебил меня и принялся бранить доктора. Голос у него был слабый, зато ругался он от души. — Все доктора — олухи, — сказал он. — А этот ваш доктор что знает о моряках? Я бывал в краях, где жарко, словно в печи, где товарищи один за другим валились от жёлтой лихорадки, а земля ходила ходуном от землетрясений, будто море. Что ваш доктор знает о таких краях? А я жил на одном роме, вот что я тебе скажу. Он был мне и едой, и питьём, и женой. Если мне теперь не дадут рома, я стану старым разбитым кораблём, выброшенным на подветренный берег. Моя кровь будет на тебе, Джим, и на этом докторишке! — Он ещё некоторое время сыпал проклятиями, потом заговорил жалобно:

— Погляди, Джим, как у меня пальцы дрожат. Не могу их унять, никак не могу. За весь сегодняшний день ни капли не выпил. Говорю тебе, доктор этот — дурак. Не выпью рома — начнётся белая горячка. Мне уже кое-что мерещилось. Видел старину Флинта вон там, в углу, у тебя за спиной. Яснее ясного видел. А если белая горячка разыграется, я человек бывалый, такое устрою — мало не покажется. Твой доктор сам сказал, что один стакан мне не повредит. Дам тебе золотую гинею за стаканчик, Джим.

Он возбуждался всё сильнее, и я встревожился за отца: в тот день ему было совсем плохо, и ему требовался покой. К тому же меня успокоили слова доктора, которые капитан только что повторил, а попытка подкупить меня даже немного обидела.

— Не нужны мне ваши деньги, — сказал я, — кроме тех, что вы должны моему отцу. Принесу вам один стакан, и больше ни капли.

Когда я принёс ром, капитан жадно схватил стакан и осушил его.

— Вот так, вот так, — сказал он. — Теперь и вправду полегче. Скажи-ка, приятель, этот доктор говорил, сколько мне ещё лежать на этой старой койке?

— Не меньше недели, — ответил я.

— Гром и молния! — вскричал он. — Неделю! Мне никак нельзя. К тому времени они уже вручат мне чёрную метку. Эти сухопутные крысы, верно, прямо сейчас вынюхивают,

где я. Своё удержать не сумели, так хотят наложить лапу на чужое. Разве так моряки поступают? Вот что я хочу знать! А я человек бережливый. Свои добрые денежки не промотал и не потерял. И снова оставлю их с носом. Я их не боюсь. Отдам ещё один риф, приятель, и опять от них ускользну.

Пока он говорил, ему с огромным трудом удалось приподняться с постели. Он вцепился мне в плечо так крепко, что я чуть не вскрикнул, а ноги волочились, словно неживые. Слова были решительные, но слышать их в таком слабом голосе было горько. Усевшись на краю кровати, он замолчал.

— Доктор меня доконал, — пробормотал он. — В ушах звенит. Уложи меня обратно.

Не успел я толком ему помочь, как он сам повалился на прежнее место и некоторое время лежал молча.

— Джим, — сказал он наконец, — ты сегодня видел того моряка?

— Чёрного Пса? — спросил я.

— Ага, Чёрного Пса, — сказал он. — Он негодяй, да только подослали его люди похуже. Если мне никак не удастся уйти и они вручат мне чёрную метку, запомни: им нужен мой старый морской сундук. Садись на лошадь… Ты ведь умеешь ездить верхом? Ну так садись и скачи к… Ладно, уж скажу как есть! К этому проклятому докторишке. Вели ему созвать всех — мировых судей и прочих. Пусть накроют их здесь, в «Адмирале Бенбоу»: всю старую команду Флинта, всех до единого, кто ещё жив. Я был у старого Флинта первым по-

мощником капитана, был, и только я один знаю, где это место. Он открыл мне его в Саванне, когда лежал при смерти — вот как я сейчас, видишь? Но ты ничего не рассказывай, если только они не вручат мне чёрную метку или ты вновь не увидишь Чёрного Пса либо моряка с одной ногой, Джим. Особенно того, с одной ногой.

— А что такое чёрная метка, капитан? — спросил я.

— Это вызов, приятель. Если мне её вручат, тогда и расскажу. А ты гляди в оба, Джим. Честное слово, поделюсь с тобой поровну.

Он ещё немного говорил бессвязно, всё более слабым голосом. Вскоре я дал ему лекарство, и он принял его послушно, как ребёнок, заметив: «Если кому из моряков и нужны снадобья, так это мне». После этого он наконец погрузился в тяжёлый сон, похожий на забытьё, и я оставил его. Не знаю, что бы я сделал, если бы всё шло своим чередом. Наверное, рассказал бы обо всём доктору: я смертельно боялся, что капитан пожалеет о своей откровенности и прикончит меня. Но в тот вечер мой бедный отец внезапно умер, и всё остальное сразу отошло на второй план. Горе, хлопоты с похоронами, приходившие соседи и работа на постоялом дворе, которую нельзя было бросить, так заняли меня, что я почти не находил времени подумать о капитане, не говоря уже о том, чтобы его бояться.

На следующее утро он, конечно, спустился вниз и, как обычно, сел за еду, хотя съел немного. Боюсь, зато рома вы-

пил больше обыкновенного: сам наливал себе за стойкой, хмурился, шумно сопел, и никто не решался ему перечить. Вечером накануне похорон он напился, как прежде. В доме, где оплакивали покойного, было невыносимо слышать, как он горланит свою скверную старую морскую песню. Но, хоть он и ослабел, мы все по-прежнему боялись его до смерти. Доктора же срочно вызвали к больному за много миль от нас, и после смерти отца он в доме больше не появлялся. Я уже говорил, что капитан был слаб, и, похоже, силы к нему не возвращались, а только убывали. Он с трудом взбирался по лестнице и спускался обратно, бродил из общей комнаты к стойке и назад, иногда высовывал нос за дверь, чтобы вдохнуть запах моря. По пути он держался за стены и дышал часто и тяжело, словно взбирался на крутую гору. Ко мне он почти не обращался и, по-моему, едва ли помнил, в чём мне признался. Зато настроение у него менялось ещё резче, а нрав, насколько позволяла болезнь, стал ещё буйнее. Теперь, напившись, он мог вдруг выхватить абордажную саблю и положить обнажённый клинок перед собой на стол. При всём том он меньше замечал окружающих, словно ушёл в свои мысли и временами даже терял их нить. Однажды, к нашему великому удивлению, он затянул совсем другую песню — что-то вроде деревенской песни о любви. Должно быть, выучил её ещё юношей, до того как ушёл в море.

Так шли дела до следующего дня после похорон. Около трёх часов пополудни, в лютый мороз и туман, я стоял у две-

ри, погружённый в печальные мысли об отце, и увидел, что по дороге к нам медленно приближается человек. Было ясно, что он слеп: он ощупывал палкой дорогу перед собой, а глаза и нос ему закрывал большой зелёный козырёк. Он горбился, то ли от старости, то ли от слабости, и носил огромный старый, рваный морской плащ с капюшоном. Из-за плаща он казался и вовсе уродливо скрюченным. Никогда в жизни я не видел человека страшнее. Не доходя до постоялого двора, он остановился и странным голосом, нараспев, обратился в пустоту перед собой: — Не найдётся ли доброй души, которая скажет бедному слепцу, потерявшему драгоценное зрение при доблестной защите родной Англии — храни Господь короля Георга! — где он сейчас находится, в какой части страны?

— Вы у постоялого двора «Адмирал Бенбоу», в бухте Чёрного холма, любезный, — ответил я.

— Слышу голос, — сказал он. — Молодой голос. Подай мне руку, добрый юноша, и проводи внутрь.

Я протянул руку, и это жуткое безглазое существо с вкрадчивым голосом вмиг стиснуло её, словно тисками. От неожиданности я попытался вырваться, но слепец одним движением притянул меня к себе.

— А теперь, мальчик, — сказал он, — веди меня к капитану.

— Сударь, — сказал я, — честное слово, не смею.

— Ах вот как! — усмехнулся он. — Веди прямо к нему,

иначе сломаю тебе руку.

И тут же так вывернул мне руку, что я вскрикнул.

— Сударь, — сказал я, — я ведь ради вас говорю. Капитан уже не тот, что прежде. Он сидит с обнажённой абордажной саблей. Другой господин…

— Ну, шагай, — перебил слепец. Никогда я не слышал голоса столь жестокого, холодного и отвратительного. Он испугал меня сильнее, чем боль, и я сразу подчинился: вошёл в дом и направился в общую комнату, где сидел наш старый больной буканьер, отупевший от рома. Слепец не отставал ни на шаг, сжимал меня железной хваткой и наваливался так, что я едва выдерживал его вес. — Подведи меня прямо к нему, а когда он меня увидит, крикни: «К тебе друг пришёл, Билл». Не сделаешь — будет вот так. — Он снова дёрнул меня за руку, и мне показалось, что я сейчас лишусь чувств. Я до того испугался слепого нищего, что забыл о страхе перед капитаном и, открыв дверь общей комнаты, дрожащим голосом выкрикнул веленные слова.

Бедный капитан поднял глаза, и одного взгляда ему хватило, чтобы мгновенно протрезветь. У него был не столько испуганный, сколько смертельно больной вид. Он попытался встать, но, думаю, сил на это у него уже не осталось.

— Сиди, где сидишь, Билл, — сказал нищий. — Я хоть и не вижу, зато услышу, как шевельнётся палец. Дело есть дело. Протяни левую руку. Мальчик, возьми его за левое запястье и подведи руку к моей правой.

Мы в точности исполнили приказ. Я увидел, как слепец переложил что-то из пригоршни той руки, в которой держал палку, на ладонь капитана. Пальцы капитана тотчас сомкнулись.

— Вот и всё, — сказал слепец. С этими словами он внезапно выпустил меня и с поразительной уверенностью и проворством выскочил из комнаты на дорогу. Я всё ещё стоял не шевелясь и слышал, как вдали затихает постукивание его палки.

Прошло некоторое время, прежде чем мы с капитаном опомнились. Наконец, почти одновременно, я выпустил его запястье, которое всё ещё держал, а он поднёс к себе руку и пристально взглянул на ладонь.

— Десять часов! — вскричал он. — Шесть часов. Ещё успеем их перехитрить! — И вскочил на ноги.

Но тут же пошатнулся, схватился за горло, на миг замер, качаясь, а потом со странным звуком рухнул во весь рост лицом вниз.

Я сразу бросился к нему, зовя мать. Но спешить было уже напрасно. Капитан умер на месте от сильнейшего апоплексического удара. Странно, но я и сам не могу этого объяснить: я никогда не любил этого человека, хотя в последнее время начал его жалеть. И всё же, увидев его мёртвым, я разрыдался. Это была вторая смерть в моей жизни, а боль от первой ещё не утихла.

IV. Морской сундук

Разумеется, я сразу рассказал матери всё, что знал, хотя сделать это следовало гораздо раньше. Мы тут же поняли, в какое трудное и опасное положение попали. Часть денег капитана — если у него вообще были деньги — по праву причиталась нам. Но едва ли его товарищи по плаванию, особенно те двое, которых я уже видел, Чёрный Пёс и слепой нищий, захотели бы отдать добычу в уплату долгов покойника. Капитан велел мне немедленно сесть на лошадь и скакать за доктором Ливси, но тогда мать осталась бы одна, без защиты. Об этом не могло быть и речи. Да и вообще оставаться в доме нам обоим казалось невозможным: даже угли, осыпавшиеся в кухонном очаге, и тиканье часов пугали нас. За окном нам всё чудились приближающиеся шаги. Капитан лежал мёртвый на полу общей комнаты, а где-то поблизости, возможно, бродил отвратительный слепец, готовый вернуться в любую минуту. Порой от страха я чуть не выпрыгивал из собственной кожи. Нужно было поскорее что-то решить, и наконец мы надумали вместе пойти за помощью в соседнюю деревушку. Надумали — и тут же отправились. Даже не покрыв головы, мы выбежали в сгущающиеся сумерки и морозный туман.

Деревушка находилась всего в нескольких сотнях ярдов, но из гостиницы её не было видно: она лежала за соседней

бухтой. Меня ободряло то, что идти туда предстояло в сторону, противоположную той, откуда появился слепец и куда он, должно быть, ушёл. Дорога заняла считаные минуты, хотя мы то и дело останавливались, хватали друг друга за руки и прислушивались. Но ничего необычного слышно не было — только тихий плеск волн да хриплые крики лесных обитателей.

Когда мы добрались до деревушки, в домах уже зажгли свечи. Никогда не забуду, как обрадовал меня их жёлтый свет в окнах и дверях. Но, как выяснилось, это было всё утешение, на которое мы могли здесь рассчитывать. Ни одна душа не согласилась вернуться с нами в «Адмирал Бенбоу» — казалось бы, людям должно было стать стыдно. Чем больше мы рассказывали о своей беде, тем упорнее все — мужчины, женщины и дети — прятались по домам. Имя капитана Флинта было мне незнакомо, зато кое-кто в деревне знал его отлично, и одно это имя внушало ужас. Некоторые мужчины, работавшие в поле по другую сторону от «Адмирала Бенбоу», вспомнили, что видели на дороге нескольких незнакомцев. Приняв их за контрабандистов, они поспешили прочь. А один человек даже заметил небольшой люггер в бухточке, которую мы называли Киттовой ямой. Впрочем, любой товарищ капитана напугал бы их до смерти. Словом, несколько человек охотно согласились поскакать к доктору Ливси, жившему в другой стороне, но защищать гостиницу не вызвался никто.

Говорят, трусость заразительна. Зато спор иной раз придаёт смелости. Когда все высказались, мать обратилась к ним с речью. Она заявила, что не позволит пропасть деньгам, которые принадлежат её осиротевшему сыну.

— Если никто из вас не решается, мы с Джимом решимся, — сказала она. — Вернёмся той же дорогой. Не ждите от нас благодарности, здоровенные трусы! Мы откроем этот сундук, даже если придётся поплатиться жизнью. А у вас, миссис Кроссли, я попрошу сумку — сложить в неё наши законные деньги.

Конечно, я сказал, что пойду с матерью. Все закричали, что мы поступаем безрассудно, но даже тогда ни один мужчина не вызвался пойти с нами. Они только дали мне заряженный пистолет на случай нападения и пообещали держать осёдланных лошадей наготове, если на обратном пути за нами погонятся. А один парень должен был скакать к доктору за вооружённой помощью.

Сердце у меня так и колотилось, когда мы вдвоём отправились в холодную ночь навстречу опасности. Поднималась полная луна, красновато проступая над верхней кромкой тумана. Мы заторопились ещё сильнее: было ясно, что, прежде чем мы выйдем из гостиницы, она осветит всё вокруг как днём и любой наблюдатель увидит, как мы уходим. Мы быстро и бесшумно пробирались вдоль изгородей. До самой гостиницы мы не увидели и не услышали ничего, что усилило бы наш страх, и с облегчением закрыли за собой дверь «Ад-

мирала Бенбоу».

Я тотчас задвинул засов. Некоторое время мы стояли в темноте, переводя дух, одни в доме с телом капитана. Потом мать взяла свечу у стойки, и мы, держась за руки, вошли в общую комнату. Капитан лежал там, где мы его оставили: на спине, с открытыми глазами и вытянутой рукой.

— Опусти штору, Джим, — прошептала мать. — А то они могут заглянуть с улицы.

Когда я опустил штору, она сказала:

— Теперь надо снять ключ с этого тела. Только кто же решится к нему прикоснуться?

При последних словах она всхлипнула.

Я сразу опустился на колени. Рядом с рукой капитана лежал маленький кружок бумаги, почерневший с одной стороны. Я не сомневался, что это чёрная метка. Подняв её, я увидел на обороте короткое послание, написанное чётким, красивым почерком: «Тебе дано время до десяти вечера».

— Ему дали время до десяти, мама, — сказал я. В ту же секунду наши старые часы начали бить. От неожиданного звука мы страшно перепугались, но часы пробили всего шесть, и это была хорошая новость.

— Теперь ключ, Джим, — сказала мать.

Я обыскал его карманы один за другим. В них нашлись лишь несколько мелких монет, напёрсток, нитки и толстые иглы, кусок табака, свитого в косицу и обкусанного с конца, нож с кривой рукоятью, карманный компас и коробочка с

огнивом. Я уже начал отчаиваться.

— Может, он у него на шее? — предположила мать.

Пересилив отвращение, я разорвал ворот его рубахи. Так и было: ключ висел на просмолённом шнурке. Я перерезал шнурок его же ножом. Эта удача вселила в нас надежду, и мы поспешили наверх, в маленькую комнату, где капитан спал всё это время и где с самого дня его приезда стоял сундук.

С виду это был обычный морской сундук. На крышке раскалённым железом выжгли букву «В», а углы от долгого и грубого обращения были избиты и обломаны.

— Дай мне ключ, — сказала мать. Замок заедал, но она мигом повернула ключ и откинула крышку.

Из сундука сильно пахнуло табаком и дёгтем. Сверху лежал только костюм из очень хорошей ткани, тщательно вычищенный и сложенный. Мать сказала, что его ни разу не надевали. Под костюмом обнаружилась всякая всячина: квадрант, жестяная кружка, несколько брусков табака, две пары великолепных пистолетов, серебряный слиток, старые испанские часы и другие безделушки, большей частью иностранные и почти ничего не стоившие, циркуль в латунной оправе и пять или шесть диковинных раковин из Вест-Индии. Впоследствии я часто задумывался, зачем капитан таскал эти раковины с собой, когда скитался по свету, скрываясь от преследователей со своей виной на душе.

Пока мы нашли только серебро и безделушки, а искали совсем другое. Ниже лежал старый морской плащ, побелев-

ший от соли за долгие плавания. Мать нетерпеливо вытащила его, и перед нами оказались последние вещи в сундуке: завёрнутый в клеёнку свёрток, похожий на пачку бумаг, и холщовый мешок, который при прикосновении зазвенел золотом.

— Пусть эти негодяи знают, что я честная женщина, — сказала мать. — Возьму только то, что нам причитается, ни фартинга сверх того. Держи сумку миссис Кроссли.

Она принялась перекладывать монеты из матросского мешка в сумку, которую я держал, отсчитывая долг капитана по счёту гостиницы.

Дело оказалось долгим и трудным: монеты были из разных стран, всякого размера — дублоны, луидоры, гинеи, пиастры и бог знает что ещё. Всё это было перемешано. К тому же гинеи были едва ли не самыми редкими монетами, а мать умела вести счёт только в гинеях.

Мы отсчитали примерно половину, когда я вдруг схватил мать за руку. В тихом морозном воздухе раздался звук, от которого сердце у меня подскочило к горлу: по мёрзлой дороге постукивала палка слепца. Стук приближался, а мы сидели, затаив дыхание. Палка резко ударила в дверь гостиницы. Потом мы услышали, как поворачивается ручка и гремит засов: слепец пытался войти. Затем и в доме, и снаружи надолго воцарилась тишина. Наконец стук возобновился и, к нашей невыразимой радости, стал удаляться, пока совсем не затих.

— Мама, бери всё, и пойдём отсюда, — сказал я. Я был уверен, что запертая дверь покажется слепцу подозрительной и скоро сюда нагрянет вся его шайка. Но как же я радовался, что задвинул засов! Понять это мог лишь тот, кто сам встречал ужасного слепца.

Мать, как ни была напугана, наотрез отказалась взять хоть на грош больше положенного и столь же упорно не желала довольствоваться меньшим. До семи часов, говорила она, ещё далеко; она знает, что ей причитается, и своё получит. Она всё ещё спорила со мной, когда далеко на холме раздался негромкий свист. Нам обоим этого хватило с избытком.

— Возьму, сколько успела, — сказала мать, вскакивая.

— А я возьму вот это в счёт недостающего, — сказал я и поднял свёрток в клеёнке.

В следующий миг мы уже на ощупь спускались по лестнице, оставив свечу возле опустевшего сундука. Ещё мгновение — и мы открыли дверь и бросились прочь. Мы ушли как раз вовремя. Туман быстро рассеивался; луна уже ясно освещала возвышенности по обе стороны дороги. Лишь на самом дне ложбины, вокруг гостиницы, ещё держалась тонкая пелена, скрывавшая начало нашего бегства. Не пройдя и половины пути до деревушки, чуть выше подножия холма, мы должны были выйти на лунный свет. Но и это было не всё: до нас уже доносился топот нескольких бегущих людей. Оглянувшись, мы увидели быстро приближавшийся огонёк, который метался из стороны в сторону. Значит, кто-то из них

нёс фонарь.

— Милый мой, — вдруг сказала мать, — бери деньги и беги. Я сейчас лишусь чувств.

Я подумал, что теперь нам обоим конец. Как я проклинал трусость соседей! Как винил бедную мать за её честность и жадность, за недавнюю безрассудную храбрость и внезапную слабость! К счастью, мы как раз дошли до маленького моста. Я помог матери, едва державшейся на ногах, добраться до края склона. Там она вздохнула и повалилась мне на плечо. Не знаю, откуда у меня взялись силы, да и обошёлся я с ней, боюсь, грубо, но мне удалось стащить её вниз по склону и немного затянуть под мост. Дальше сдвинуть её я не мог: мост был таким низким, что самому мне приходилось под ним ползти. Так мы и остались — мать почти целиком на виду, а оба мы были так близко к гостинице, что могли слышать доносившиеся оттуда звуки.

V. Конец слепца

Любопытство моё в каком-то смысле оказалось сильнее страха. Я не мог оставаться на месте и снова подполз к откосу. Пригнув голову за кустом дрока, я видел дорогу перед дверью нашей гостиницы. Едва я устроился, как показались мои враги. Их было человек семь или восемь. Они бежали во весь дух, и ноги их стучали по дороге вразнобой. На несколько шагов впереди мчался человек с фонарём. Трое бежали вместе, держась за руки, и даже сквозь туман я разглядел, что средний из них — слепой нищий. В следующий миг его голос подтвердил мою догадку.

— Ломайте дверь! — крикнул он.

— Есть, сэр! — отозвались двое или трое и бросились к «Адмиралу Бенбоу». Человек с фонарём побежал следом. Тут они остановились и заговорили тише, словно удивились, обнаружив дверь открытой. Но заминка длилась недолго: слепец снова принялся командовать. Его голос стал громче и пронзительнее, будто его жгли нетерпение и ярость.

— Внутрь, внутрь, внутрь! — завопил он и осыпал их руганью за промедление.

Четверо или пятеро тотчас подчинились, а двое остались на дороге с грозным нищим. Наступила пауза, потом раздался удивлённый возглас, и кто-то крикнул из дома:

— Билл мёртв!

Но слепец снова выругал их за мешкотность.

— Обыщите его, ленивые морские увальни! А остальные — наверх, тащите сундук! — крикнул он.

Я слышал, как они загрохотали по нашей старой лестнице: должно быть, весь дом ходил ходуном. Почти сразу сверху послышались новые возгласы изумления. Окно комнаты капитана распахнулось с треском и звоном разбитого стекла. Какой-то человек высунулся из окна по плечи, попал в полосу лунного света и окликнул слепого нищего на дороге.

— Пью! — крикнул он. — Нас опередили. Кто-то перерыл весь сундук, сверху донизу.

— Оно там? — взревел Пью.

— Деньги на месте.

Слепец проклял деньги.

— Я про Флинтов кулак! — крикнул он.

— Нигде его тут не видать, — ответил человек.

— Эй, вы там, внизу! Он у Билла? — снова крикнул слепец.

Тут на пороге гостиницы показался ещё один. Должно быть, тот, кто остался внизу обыскивать тело капитана.

— Билла уж обшарили, — сказал он. — Ничего при нём нет.

— Это хозяева гостиницы… Это мальчишка! Надо было выколоть ему глаза! — закричал слепец Пью. — Они только что были здесь: когда я приходил, дверь была на засове. Рассыпьтесь, ребята, найдите их!

— И фонарь свой они здесь оставили, — заметил человек из окна.

— Рассыпьтесь и найдите их! Переверните весь дом! — твердил Пью, колотя палкой по дороге.

В нашей старой гостинице поднялся страшный грохот. Тяжёлые шаги топали туда-сюда, мебель опрокидывали, двери вышибали ногами; даже скалы отзывались эхом. Наконец люди один за другим вышли на дорогу и объявили, что нас нигде нет. Тогда в ночи снова явственно раздался тот самый свист, который напугал нас с матерью, когда мы забирали причитавшиеся нам деньги у мёртвого капитана. На этот раз он прозвучал дважды. Прежде я думал, что это слепец, словно трубой, созывает своих людей на приступ. Теперь же я понял: свистели со склона холма, со стороны деревушки. Судя по тому, как подействовал свист на буканьеров, их предупреждали о приближающейся опасности.

— Опять Дирк, — сказал один из них. — Два раза свистнул! Пора убираться, ребята.

— Убираться, трус несчастный? — закричал Пью. — Дирк с самого начала был дураком и трусом. Не слушайте его. Они должны быть рядом, далеко уйти не могли. Добыча у вас почти в руках. Рассыпьтесь и ищите, псы! Ах, будь у меня глаза!

Похоже, его слова всё-таки подействовали: двое принялись искать среди хлама. Но, по-моему, делали они это без охоты и всё время поглядывали по сторонам, опасаясь за се-

бя. Остальные нерешительно стояли на дороге.

— Тысячи у вас под носом, болваны, а вы медлите! Найдёте эту вещь — станете богаты, как короли. Вы знаете, что она здесь, и всё равно стоите, трусите! Никто из вас не посмел подойти к Биллу, а я подошёл — слепой! И теперь из-за вас я должен упустить свой шанс? Мне и дальше ползать нищим и выпрашивать ром, когда я мог бы разъезжать в карете? Да будь у вас хоть столько храбрости, сколько у жучка в сухаре, вы бы их ещё поймали!

— Да чтоб тебя, Пью, дублоны-то у нас! — проворчал один.

— Они могли спрятать эту проклятую штуку, — сказал другой. — Забирай георги, Пью, и хватит тут верещать.

«Верещать» — вернее слова не придумаешь. Возражения всё сильнее распаляли Пью, пока ярость окончательно им не овладела. Он принялся вслепую размахивать палкой направо и налево и крепко задел не одного из своих людей.

Те в ответ проклинали слепого негодяя, грозили ему страшной расправой и тщетно пытались перехватить палку и вырвать её у него из рук.

Эта ссора нас и спасла. Пока они бранились, со стороны деревушки, с вершины холма, донёсся новый звук — топот скачущих лошадей. Почти в тот же миг у живой изгороди сверкнула вспышка и грохнул пистолетный выстрел. Это, видно, был последний сигнал опасности: буканьеры сразу бросились врассыпную. Один побежал вдоль бухты к морю,

другой — наискось через холм, остальные — кто куда. Через полминуты никого, кроме Пью, уже не было видно. Его бросили — то ли в панике, то ли в отместку за брань и удары, не знаю. Он метался по дороге, исступлённо стучал палкой, шарил вокруг и звал товарищей. Наконец он свернул не туда и пробежал в нескольких шагах от меня по направлению к деревушке.

— Джонни! Чёрный Пёс! Дирк! — кричал он, выкликая и другие имена. — Не бросайте старого Пью, ребята! Не бросайте старика Пью!

Тут топот лошадей донёсся уже с гребня холма. В лунном свете показались четверо или пятеро всадников и во весь опор понеслись вниз по склону.

Пью понял свою ошибку, с криком повернул и побежал прямо к канаве, в которую и свалился. Через секунду он уже был на ногах, но, окончательно потеряв направление, снова рванулся вперёд — прямо под ближайшую лошадь.

Всадник попытался уберечь его, но не смог. Пью упал с криком, разнёсшимся далеко в ночи. Все четыре копыта прошлись по нему; лошадь отшвырнула его и пронеслась дальше. Он повалился на бок, потом медленно осел лицом вниз и больше не шевельнулся.

Я вскочил и окликнул всадников. Потрясённые случившимся, они уже осаживали лошадей, и вскоре я разглядел, кто это. Позади остальных ехал парень, который отправился из деревушки к доктору Ливси. По дороге он встретил та-

моженных стражников и догадался сразу же вернуться с ними. До начальника таможенной стражи Дэнса дошли вести о люггере в Киттовой яме, и той ночью он отправился в нашу сторону. Этому мы с матерью и были обязаны спасением от смерти.

Пью был мёртв, мёртв без всякого сомнения. Мать мы отнесли в деревушку. Немного холодной воды, нюхательная соль — и она быстро пришла в себя. Пережитый страх не причинил ей вреда, хотя она всё ещё сокрушалась из-за недобранных денег. Тем временем начальник таможенной стражи поспешил верхом к Киттовой яме. Но его людям пришлось спешиться и на ощупь спускаться по лощине. Лошадей они вели в поводу, а порой и поддерживали; вдобавок всё время опасались засады. Неудивительно, что, когда они добрались до бухточки, люггер уже шёл под парусами, хотя ещё был близко к берегу. Дэнс окликнул судно. В ответ чей-то голос велел ему уйти с лунного света, если он не хочет получить пулю, и в ту же секунду пуля просвистела у самой его руки. Вскоре люггер обогнул мыс и исчез. Мистер Дэнс остался стоять, по его словам, «как рыба, выброшенная на берег». Всё, что он мог сделать, — послать человека в Б… предупредить таможенный куттер. «А толку от этого почти никакого, — сказал он. — Ускользнули они, и дело с концом. Только, — добавил он, — рад я всё-таки, что отдавил мозоли господину Пью». К тому времени он уже выслушал мой рассказ.

Я вернулся с ним в «Адмирал Бенбоу». Невозможно представить, какой разгром мы там увидели. В неистовых поисках меня и матери эти люди даже часы повалили. И хотя, кроме мешка с деньгами капитана да немного серебра из кассы, они ничего не унесли, я сразу понял, что мы разорены. Мистер Дэнс никак не мог взять в толк, что здесь произошло.

— Значит, деньги им достались? Тогда что же ещё, Хокинс, они искали, чёрт возьми? Ещё денег, полагаю?

— Нет, сэр. Думаю, дело не в деньгах, — ответил я. — По правде сказать, сэр, мне кажется, то, что им нужно, лежит у меня в нагрудном кармане. И я хотел бы отдать это на хранение.

— Конечно, мальчик. Правильно, — сказал он. — Хочешь, я возьму?

— Я думал, может быть, доктор Ливси… — начал я.

— Совершенно верно, — весело перебил он. — Совершенно верно: он джентльмен и мировой судья. Да и мне, если подумать, стоит самому заехать к нему и обо всём доложить — ему или сквайру. Господин Пью, как ни крути, мёртв. Не скажу, чтобы я о нём жалел, но он мёртв, понимаешь, и люди, если смогут, обвинят в его смерти служащего королевской таможни. Знаешь что, Хокинс, поедем со мной.

Я от души поблагодарил его, и мы пошли обратно в деревушку, где оставили лошадей. Пока я объяснял матери, куда собираюсь, все уже сели в сёдла.

— Доггер, — сказал мистер Дэнс, — у тебя хорошая ло-

шадь. Посади мальчика позади себя.

Я взобрался на лошадь, ухватился за пояс Доггера, и начальник таможенной стражи дал команду. Мы двинулись к дому доктора Ливси резвой рысью.

VI. Бумаги капитана

Мы гнали лошадей во весь опор и остановились только у дома доктора Ливси. С улицы в окнах не было ни огонька.

Мистер Дэнс велел мне спешиться и постучать. Доггер подставил стремя, и я слез. Дверь почти сразу открыла служанка.

— Доктор Ливси дома? — спросил я.

Нет, ответила она. Днём доктор заходил домой, но потом отправился в усадьбу: он собирался поужинать со сквайром и провести у него вечер.

— Значит, едем туда, ребята, — сказал мистер Дэнс.

Ехать было недалеко, и на этот раз я не стал садиться в седло. Держась за ремень стремени Доггера, я добежал до ворот, а оттуда — по длинной аллее, где голые деревья стояли в лунном свете. Впереди белели усадебные постройки, по обе стороны от которых раскинулись обширные старые сады. Мистер Дэнс спешился, взял меня с собой, и нас впустили в дом, едва он назвал себя.

Слуга провёл нас по коридору, устланному циновками, и открыл дверь в большую библиотеку. Вдоль стен стояли книжные шкафы, на них — бюсты. Сквайр и доктор Ливси сидели с трубками по обе стороны ярко горевшего камина.

Мне ещё не доводилось видеть сквайра так близко. Он был выше шести футов ростом, широк в плечах, с открытым,

грубоватым лицом. Долгие путешествия огрубили и покрасили его кожу, избороздили лицо морщинами. Чёрные брови то и дело двигались. По ним легко было догадаться, что сквайр вспыльчив, хотя и незлобив.

— Входите, мистер Дэнс, — произнёс он величаво и слегка снисходительно.

— Добрый вечер, Дэнс, — сказал доктор и кивнул. — И тебе добрый вечер, дружище Джим. Каким ветром вас занесло?

Начальник таможенной стражи вытянулся и рассказал обо всём, словно отвечал выученный урок. Видели бы вы, как оба господина подались вперёд, как переглядывались и от изумления и любопытства забыли о трубках! Услышав, что моя мать вернулась на постоялый двор, доктор Ливси хлопнул себя по бедру, а сквайр крикнул: «Браво!» — и сломал длинную трубку о каминную решётку. Не дожидаясь конца рассказа, мистер Трелони — вы, конечно, помните, что так звали сквайра, — поднялся и зашагал по комнате. Доктор же снял напудренный парик, будто без него лучше слышал. С коротко остриженными чёрными волосами он выглядел на удивление непривычно.

Наконец мистер Дэнс закончил.

— Мистер Дэнс, вы благородный человек, — сказал сквайр. — А когда вы сшибли конём этого мерзавца, чёрного душой, то, по моему разумению, совершили доброе дело. Всё равно что раздавить таракана, сэр. И мальчик Хокинс,

вижу, молодец. Хокинс, позвони в колокольчик. Мистера Дэнса надо угостить элем.

— Значит, Джим, вещь, за которой они охотились, у тебя? — спросил доктор.

— Вот она, сэр, — ответил я и передал ему свёрток в клеёнке.

Доктор осмотрел свёрток со всех сторон. Казалось, ему не терпится его развернуть, но он спокойно убрал находку в карман сюртука.

— Сквайр, — сказал он, — когда Дэнс выпьет свой эль, ему, разумеется, пора будет вернуться на королевскую службу. А Джима Хокинса я хочу оставить на ночь у себя. С вашего позволения велим подать холодный пирог, чтобы он поужинал.

— Как пожелаете, Ливси, — сказал сквайр. — Хокинс заслужил угощение получше холодного пирога.

Принесли большой пирог с голубятиной и поставили на приставной столик. Я поел от души: голоден был как волк. Мистеру Дэнсу ещё раз выразили признательность, после чего он откланялся.

— А теперь, сквайр… — начал доктор.

— А теперь, Ливси… — одновременно с ним заговорил сквайр.

— По очереди, по очереди! — рассмеялся доктор Ливси. — Полагаю, вы слышали об этом Флинте?

— Слышал о нём! — воскликнул сквайр. — Спрашива-

ете, слышал ли я о нём? Более кровожадного буканьера не бывало на море. По сравнению с Флинтом Чёрная Борода — сущий младенец. Испанцы так его боялись, что я, признаться, иной раз даже гордился: Флинт-то англичанин! Я собственными глазами видел его марсели близ Тринидада. А тот трусливый сын бочки с ромом, с которым я плыл, повернул назад — повернул, сэр, в Порт-оф-Спейн!

— Я и сам слышал о нём в Англии, — сказал доктор. — Но вот что важно: были у него деньги?

— Деньги! — воскликнул сквайр. — Да вы слышали рассказ? За чем, по-вашему, гонялись эти злодеи? Что ещё их заботит, кроме денег? Ради чего ещё они станут рисковать своими погаными шкурами?

— Это мы скоро узнаем, — ответил доктор. — Но вы так горячитесь, что мне слова не вставить. Я хочу выяснить одно: если у меня в кармане лежит указание, где Флинт зарыл свои сокровища, велико ли это богатство?

— Велико ли, сэр! — воскликнул сквайр. — Скажу вам так: если у нас есть это указание, я снаряжу судно в бристольском порту, возьму вас и Хокинса с собой и добуду сокровища, даже если искать придётся целый год.

— Прекрасно, — сказал доктор. — Тогда, если Джим не возражает, вскроем свёрток.

Он положил свёрток перед собой на стол.

Края его были сшиты. Доктору пришлось достать футляр с инструментами и разрезать стежки медицинскими нож-

ницами. Внутри оказались две вещи: книга и запечатанный лист бумаги.

— Сперва посмотрим книгу, — предложил доктор.

Мы со сквайром заглядывали ему через плечо, пока он её открывал: доктор Ливси любезно подозвал меня от столика, за которым я ел, чтобы я тоже мог следить за поисками. На первой странице были лишь обрывки надписей — такие человек оставляет, когда пишет от нечего делать или ради упражнения. Одна повторяла татуировку: «Причуда Билли Бонса». Дальше шли: «Мистер У. Бонс, помощник капитана», «Больше никакого рома», «У Палм-Ки он это получил» — и ещё несколько отрывочных, большей частью непонятных слов. Мне невольно стало любопытно, кто это «получил» и что именно. Скорее всего, нож в спину.

— Тут мы мало что узнаем, — сказал доктор Ливси и перевернул страницу.

Следующие десять или двенадцать страниц занимали странные записи. На одном конце строки стояла дата, на другом — денежная сумма, как в обычной счётной книге. Но между ними вместо пояснения были крестики, и число их менялось от строки к строке. К примеру, двенадцатого июня 1745 года кому-то явно причиталось семьдесят фунтов, а о причине говорили лишь шесть крестиков. Иногда рядом добавлялось название места, например «У берегов Каракаса», или просто широта и долгота: «шестьдесят два градуса, семнадцать минут, двадцать секунд; девятнадцать градусов, две

минуты, сорок секунд».

Записи охватывали почти двадцать лет. Со временем суммы становились всё больше. В конце, после пяти или шести неверных подсчётов, был выведен общий итог и приписано: «Накопления Бонса».

— Ничего не могу понять, — сказал доктор Ливси.

— Да здесь всё ясно как день! — воскликнул сквайр. — Это счётная книга черносердечного негодяя. Крестики заменяют названия кораблей и городов, которые они потопили или разграбили. Суммы — доля этого мерзавца. А там, где можно было запутаться, он, как видите, добавлял пояснение. Вот «У берегов Каракаса»: значит, там они взяли на абордаж какое-то несчастное судно. Помоги Господь его морякам! Должно быть, они давно покоятся среди кораллов.

— Верно! — сказал доктор. — Вот что значит бывалый путешественник. И суммы, смотрите, росли по мере того, как он поднимался в чине.

Кроме этих записей, в книге почти ничего не было: лишь несколько направлений, отмеченных на пустых страницах ближе к концу, да таблица пересчёта французских, английских и испанских денег.

— Бережливый человек! — воскликнул доктор. — Такого не обсчитаешь.

— А теперь, — сказал сквайр, — посмотрим другую бумагу.

Бумага была запечатана в нескольких местах оттиском на-

пёрстка — возможно, того самого, что я нашёл в кармане капитана. Доктор осторожно вскрыл печати, и оттуда выпала карта острова. На ней были обозначены широта и долгота, глубины, названия холмов, бухт и заливов — всё, что требовалось, чтобы подвести судно к берегу и безопасно стать на якорь. Остров был около девяти миль в длину и пяти в ширину, а очертаниями походил, пожалуй, на толстого дракона, вставшего на задние лапы. У него имелись две хорошие гавани, укрытые сушей, а в средней части возвышался холм под названием «Подзорная труба». Позже на карту внесли ещё несколько пометок. Больше всего бросались в глаза три красных креста: два на севере острова и один на юго-западе. Рядом с последним теми же красными чернилами, мелким аккуратным почерком, совсем не похожим на дрожащие каракули капитана, было написано: «Основная часть сокровищ здесь».

На обороте той же рукой были сделаны дальнейшие указания:

Высокое дерево на отроге Подзорной трубы. Направление — на один румб севернее северо-северо-востока.

Остров Скелета — на один румб восточнее восток-юго-востока.

Десять футов.

Серебряные слитки — в северном тайнике. Найти его можно по направлению восточного бугра, в десяти морских саженях к югу от чёрной скалы, похожей на лицо.

Оружие найти легко: оно в песчаном холме на северной оконечности мыса у северной бухты. Направление — восток с четвертью румба к северу. Дж. Ф.

Это было всё. Но сквайр и доктор Ливси пришли в восторг от этих кратких указаний, хотя я ничего в них не понял.

— Ливси, — сказал сквайр, — немедленно бросайте свою жалкую врачебную практику. Завтра я отправляюсь в Бристоль. Через три недели — три недели! Да что там, через две недели, через десять дней — у нас будут лучшее судно и отборная команда во всей Англии. Хокинс пойдёт юнгой. Из тебя выйдет славный юнга, Хокинс! Вы, Ливси, будете судовым врачом, а я — адмиралом. Возьмём с собой Редрута, Джойса и Хантера. Ветер будет попутным, доберёмся быстро, без труда найдём нужное место и получим столько денег, что до конца жизни сможем ими хоть питаться, хоть в них валяться, хоть пускать монеты по воде!

— Трелони, — сказал доктор, — я поеду с вами. И ручаюсь, мы с Джимом не подведём вас и принесём пользу нашему делу. Меня тревожит лишь один человек.

— Кто же? — вскричал сквайр. — Назовите этого негодяя, сэр!

— Вы, — ответил доктор. — Вы не умеете держать язык за зубами. Не мы одни знаем об этой бумаге. Люди, напавшие сегодня на постоялый двор, — отчаянные головорезы, спору нет. Есть ещё те, кто остался на люггере, да, вероятно, и другие, что сейчас неподалёку. Все они готовы на всё,

лишь бы завладеть деньгами. Пока мы не выйдем в море, никому из нас нельзя ходить одному. Мы с Джимом пока будем держаться вместе. А вы, когда поедете в Бристоль, возьмите Джойса и Хантера. И с этой минуты никто из нас не должен ни словом обмолвиться о находке.

— Ливси, — ответил сквайр, — вы, как всегда, правы. Буду нем как могила.

Часть вторая. Судовой повар

VII. Я еду в Бристоль

Подготовка к плаванию затянулась дольше, чем ожидал сквайр. Ни один из наших первоначальных планов не удалось осуществить так, как мы задумали. Даже доктор Ливси не смог оставить меня при себе: ему пришлось ехать в Лондон, чтобы найти врача на своё место, а сквайр был по горло занят делами в Бристоле. Я же остался в усадьбе под присмотром старого егеря Редрута — почти что взаперти, зато с головой, полной мечтаний о море, далёких островах и приключениях. Часами я разглядывал карту и хорошо помнил каждую её подробность. Сидя у камина в комнате экономки, я мысленно подплывал к острову со всех сторон, исследовал каждый его акр, тысячу раз взбирался на высокий холм под названием Подзорная труба и любовался видами, которые с вершины всякий раз открывались по-новому. То остров кишел дикарями, с которыми нам приходилось сражаться, то опасными зверями, которые охотились на нас. Но ни в одной из моих фантазий не случалось ничего столь необычайного и трагического, как то, что произошло с нами на самом деле.

Так проходили недели, пока в один прекрасный день не пришло письмо на имя доктора Ливси. На конверте было

приписано: «В отсутствие доктора вскрыть Тому Редруту или юному Хокинсу». Следуя этому указанию, мы узнали — вернее, узнал я, потому что егерь с трудом разбирал рукописный текст, — следующие важные новости:

Гостиница «Старый якорь», Бристоль, 1 марта 17… года.

Дорогой Ливси! Не зная, находитесь ли вы в усадьбе или всё ещё в Лондоне, посылаю письмо в оба места.

Судно куплено и снаряжено. Оно стоит на якоре и готово выйти в море. Более славной шхуны вам и вообразить не удастся: с нею и ребёнок справится. Двести тонн. Называется «Испаньола».

Я приобрёл её благодаря моему старому другу Блэндли, который оказался на редкость верным товарищем. Этот замечательный человек буквально сбился с ног ради меня. Да и весь Бристоль, можно сказать, принялся мне помогать, едва прослышав, куда мы держим путь, — я, разумеется, имею в виду сокровища.

— Редрут, — сказал я, прервав чтение, — доктору Ливси это не понравится. Сквайр всё-таки разболтал наш секрет.

— А у кого, по-твоему, больше права говорить? — проворчал егерь. — Чудные были бы дела, если бы сквайру нельзя было говорить за доктора Ливси!

После этого я перестал делать замечания и стал читать дальше:

Шхуну «Испаньола» отыскал сам Блэндли и благодаря своему удивительному умению вести дела добыл её для меня

за сущие гроши. Кое-кто в Бристоле питает к нему чудовищное предубеждение. Эти люди доходят до того, что утверждают, будто ради денег сей честнейший человек готов на всё, будто «Испаньола» принадлежала ему самому и он продал её мне втридорога. Разумеется, всё это — явная клевета. Впрочем, достоинства шхуны не смеет отрицать никто.

До сих пор всё шло гладко. Правда, рабочие — такелажники и прочие — возились невыносимо долго, но со временем и это уладилось. Тревожила меня команда.

Я хотел набрать добрых два десятка человек — на случай встречи с туземцами, буканьерами или ненавистными французами. Но мне стоило дьявольских хлопот найти хотя бы полдюжины, пока необычайная удача не свела меня с тем самым человеком, который был мне нужен.

Я стоял на пристани и совершенно случайно разговорился с ним. Выяснилось, что это старый моряк: теперь он держит трактир, знает всех моряков Бристоля, на берегу растерял здоровье и мечтает получить место корабельного кока, чтобы снова выйти в море. По его словам, тем утром он доковылял до пристани только ради того, чтобы вдохнуть солёный воздух.

Меня это необычайно тронуло — и вас бы тронуло тоже. Из чистого сострадания я тут же нанял его коком. Зовут его Долговязый Джон Сильвер; у него нет одной ноги, но я счёл это скорее достоинством: он потерял её на службе отечеству, под началом бессмертного Хоука. И при этом ему не платят

пенсии, Ливси! Вообразите, в какие возмутительные времена мы живём!

Итак, сударь мой, я думал, что нашёл всего лишь кока, а нашёл целую команду. За несколько дней мы с Сильвером собрали таких крепких старых морских волков, каких только можно вообразить. На вид они не красавцы, зато по лицам видно: дух у каждого несокрушимый. Ручаюсь, мы могли бы дать бой фрегату.

Долговязый Джон даже избавился от двоих из тех шести или семи человек, которых я успел нанять прежде. Он сразу показал мне, что именно таких пресноводных неумёх и следует опасаться в столь важном предприятии.

Здоровье у меня превосходное, настроение тоже: ем как бык, сплю как убитый. И всё же не обрету покоя, пока не услышу, как мои старые морские волки топают вокруг корабельного шпиля. Скорей в море! Пропади пропадом сокровища! Это само море вскружило мне голову. Так что, Ливси, мчитесь сюда почтовой каретой. Если я вам дорог, не теряйте ни часа.

Пусть юный Хокинс немедленно навестит мать, взяв Редрута в сопровождающие, а затем оба со всей поспешностью едут в Бристоль. Джон Трелони

Послесловие. Не сказал вам, что Блэндли обещал отправить за нами другое судно, если к концу августа мы не вернёмся. Он же подыскал превосходного штурмана. Человек тот сурового нрава, о чём я сожалею, но во всём осталь-

ном — настоящее сокровище. Долговязый Джон Сильвер нашёл весьма умелого помощника капитана по фамилии Эрроу. Есть у меня и боцман с дудкой, Ливси, так что на славной «Испаньоле» всё пойдёт по порядкам военного корабля.

Забыл также сообщить, что Сильвер — человек состоятельный. Я доподлинно знаю, что у него есть счёт в банке и он никогда не брал денег сверх того, что на нём лежало. Трактиром во время его отсутствия будет заведовать жена. Она темнокожая, и нам, двум старым холостякам, простительно предположить, что Сильвера вновь тянет скитаться по морям не только из-за здоровья, но и из-за супруги. Дж. Т.

Второе послесловие. Хокинс может провести с матерью одну ночь. Дж. Т.

Можете себе представить, как взволновало меня это письмо. От радости я едва не потерял голову. Если я когда-либо и презирал кого-нибудь, так это старого Тома Редрута, который только ворчал да сокрушался. Любой из младших егерей с радостью поменялся бы с ним местами, но сквайр распорядился иначе, а его воля для всех них была законом. Никто, кроме старого Редрута, не осмелился бы даже поворчать.

На следующее утро мы пешком отправились к «Адмиралу Бенбоу». Мать я застал здоровой и бодрой. Капитан, который столько времени отравлял нам жизнь, отправился туда, где злодеи уже никого не тревожат. Сквайр велел всё починить, заново выкрасить общие комнаты и вывеску, а также купил кое-какую мебель — в том числе прекрасное кресло

для матери у трактирной стойки. Он даже нашёл ей мальчика в ученики, чтобы во время моего отсутствия она не осталась без помощника.

Только увидев этого мальчика, я впервые понял своё положение. До той минуты я думал лишь о предстоящих приключениях и совсем не думал о доме, который покидаю. Но при виде неловкого чужого мальчишки, которому предстояло остаться здесь рядом с моей матерью вместо меня, я впервые расплакался. Боюсь, я устроил ему собачью жизнь: поскольку он ещё не освоился с работой, мне то и дело выпадал случай поправлять его и ставить на место. И я не упускал этих случаев.

Ночь прошла, а на другой день после обеда мы с Редрутом снова вышли в дорогу. Я попрощался с матерью, с бухтой, где прожил с самого рождения, и со старым добрым «Адмиралом Бенбоу» — хотя после перекраски он уже не казался мне таким родным. Напоследок я вспомнил, как часто капитан шагал по берегу в треуголке, со шрамом от сабли на щеке и со старой латунной подзорной трубой. В следующее мгновение мы свернули за угол, и мой дом скрылся из виду.

Под вечер у «Королевского Георга», стоявшего на пустоши, нас подобрала почтовая карета. Меня втиснули между Редрутом и дородным пожилым господином. Несмотря на быструю езду и холодный ночной воздух, я, должно быть, почти сразу задремал, а потом крепко проспал всю дорогу, через холмы и долины, от одной станции до другой. Разбу-

дил меня тычок в бок. Я открыл глаза и увидел, что карета стоит перед большим зданием на городской улице, а рассвело уже давно.

— Где мы? — спросил я.

— В Бристоле, — ответил Том. — Вылезай.

Сквайр Трелони поселился в гостинице в дальнем конце доков, чтобы следить за работами на шхуне. Туда нам теперь и предстояло идти. К моему восторгу, дорога пролегала вдоль причалов, мимо множества судов всех размеров, с разным парусным вооружением, из разных стран. На одном матросы пели за работой, на другом люди высоко над моей головой держались за снасти, которые снизу казались не толще паутины. Хоть я всю жизнь прожил у берега, мне вдруг почудилось, будто прежде я никогда не бывал возле моря. Запах дёгтя и соли казался мне новым. Я видел удивительные носовые фигуры кораблей, побывавших за океаном. Видел и множество старых моряков: серьги в ушах, бакенбарды завиты колечками, косички просмолены, походка вразвалку, неуклюжая и уверенная. Встреть я столько же королей или архиепископов, и то не обрадовался бы сильнее.

А ведь я и сам отправлялся в море! На шхуне, где боцман созывает людей дудкой, а матросы с косичками поют за работой. В море, к неведомому острову, на поиски зарытых сокровищ!

Я ещё предавался этим сладостным мечтам, когда мы неожиданно подошли к большой гостинице и встретили у

дверей сквайра Трелони. В синем суконном мундире морского офицера он выходил нам навстречу с улыбкой, весьма удачно изображая походку моряка.

— А вот и вы! — воскликнул он. — Доктор приехал из Лондона вчера вечером. Прекрасно! Теперь вся судовая команда в сборе!

— Сударь! — воскликнул я. — Когда же мы отплываем?

— Отплываем? — переспросил он. — Завтра!

VIII. Под вывеской «Подзорная труба»

Когда я позавтракал, сквайр дал мне записку для Джона Сильвера, хозяина трактира «Подзорная труба». Он сказал, что я без труда найду трактир, если пойду вдоль доков и буду высматривать маленькое заведение, вывеской которому служит большая латунная подзорная труба. Я отправился в путь, радуясь случаю ещё поглядеть на корабли и моряков. У причалов кипела работа; я пробирался между людьми, телегами и тюками, пока не добрался до нужного места.

Трактир оказался довольно приветливым. Вывеску недавно покрасили, на окнах висели опрятные красные занавески, пол был аккуратно посыпан песком. По обе стороны трактира проходили улицы, и обе двери, каждая на свою улицу, стояли открытыми. Поэтому просторный зал с низким потолком хорошо просматривался даже сквозь клубы табачного дыма.

Посетители были по большей части моряками. Они разговаривали так громко, что я замер у двери, почти не решаясь войти.

Пока я стоял там, из боковой комнаты вышел человек, и я сразу подумал: должно быть, это Долговязый Джон Сильвер. Левая нога у него была отрезана почти у самого бедра. Под левым плечом он держал костыль и управлялся с ним на

удивление ловко, подпрыгивая, точно птица. Он был очень высок и крепок, с лицом величиной с окорок — невзрачным и бледным, но умным и улыбчивым. Казалось, он был в самом весёлом расположении духа: насвистывал, сновал между столами, то отпускал весёлое словцо, то хлопал по плечу кого-нибудь из любимых гостей.

По правде сказать, с тех пор как я впервые прочёл о Долговязом Джоне в письме сквайра Трелони, меня тревожила мысль: вдруг это и есть тот моряк с одной ногой, которого я так долго высматривал в старом «Адмирале Бенбоу»? Но одного взгляда на стоявшего передо мной человека хватило, чтобы страх прошёл. Я видел капитана, Чёрного Пса и слепца Пью и, как мне казалось, знал, как выглядят буканьеры. Этот опрятный, добродушный трактирщик был на них совсем не похож.

Я тут же набрался смелости, переступил порог и подошёл прямо к нему. Он стоял, опираясь на костыль, и разговаривал с посетителем.

— Господин Сильвер? — спросил я, протягивая записку.

— Он самый, дружок, — ответил он. — А ты кто будешь? — Увидев письмо сквайра, он, как мне показалось, чуть вздрогнул.

— А! — громко сказал он и протянул руку. — Понятно. Ты наш новый юнга. Рад тебя видеть.

Он крепко сжал мою руку своей большой ладонью.

В эту минуту один из посетителей в дальнем конце зала

внезапно вскочил и бросился к двери. Она была рядом, и через мгновение он уже оказался на улице. Но его поспешность привлекла моё внимание, и я сразу узнал беглеца. Это был человек с лицом цвета сала, без двух пальцев, который первым приходил в «Адмирал Бенбоу».

— Ой! — крикнул я. — Остановите его! Это Чёрный Пёс!

— Мне ни на два медяка нет дела до того, кто он такой! — крикнул Сильвер. — Но он по счёту не расплатился. Гарри, беги за ним!

Один из посетителей, сидевший ближе всех к двери, вскочил и пустился в погоню.

— Будь он хоть адмирал Хоук, а по счёту заплатит! — крикнул Сильвер, потом отпустил мою руку и спросил: — Как, говоришь, его зовут? Чёрный кто?

— Пёс, сэр, — ответил я. — Разве господин Трелони не рассказывал вам о буканьерах? Этот был одним из них.

— Вот как? — воскликнул Сильвер. — И явился ко мне в трактир! Бен, беги помоги Гарри. Значит, из тех прохвостов? Морган, это ты с ним пил? Подойди сюда.

Человек, которого он назвал Морганом, старый седовласый моряк с лицом цвета красного дерева, смущённо приблизился, перекатывая во рту табачную жвачку.

— Ну, Морган, — очень сурово сказал Долговязый Джон, — ты ведь прежде никогда этого Чёрного… Чёрного Пса в глаза не видел?

— Никогда, сэр, — ответил Морган и отдал честь.

— И имени его не знал?

— Нет, сэр.

— Клянусь небесами, Том Морган, тем лучше для тебя! — воскликнул трактирщик. — Если бы ты водился с такими, больше бы ноги твоей в моём доме не было, можешь не сомневаться. О чём он с тобой говорил?

— Не могу толком сказать, сэр, — ответил Морган.

— У тебя на плечах голова или деревянный юферс? — крикнул Долговязый Джон. — Не можешь толком сказать! Может, и с кем говорил, тоже толком не знаешь? А ну, выкладывай: о плаваниях болтал, о капитанах, о кораблях? Говори! О чём?

— Да про протаскивание под килем толковали, — ответил Морган.

— Под килем, значит? Ему бы самому под килем пройти, можешь не сомневаться. Ступай на место, сухопутная крыса, Том.

Когда Морган побрёл обратно к своему столу, Сильвер наклонился ко мне и доверительно прошептал, что показалось мне большой честью:

— Том Морган человек честный, только глуповат.

Затем он снова заговорил во весь голос:

— Так, посмотрим… Чёрный Пёс? Нет, имени этого я не знаю. Хотя погоди… Да, кажется, я видел этого прохвоста. Он приходил сюда со слепым нищим. Точно, приходил.

— Это верно, — сказал я. — Слепого я тоже знал. Его

звали Пью.

— Пью! — воскликнул Сильвер, теперь уже совсем разволновавшись. — Вот как его звали, точно! Ну и вид у него был — сущая акула! Если догоним этого Чёрного Пса, будет о чём доложить капитану Трелони. Бен бегает хорошо, мало кто из моряков с ним сравнится. Клянусь небесами, он его быстро настигнет! Значит, про протаскивание под килем говорил? Я ему покажу, как под килем протаскивают!

Произнося всё это отрывистыми выкриками, он ковылял по трактиру туда-сюда, стучал ладонью по столам и выказывал такое волнение, что поверил бы и судья из Олд-Бейли, и сыщик с Боу-стрит. Обнаружив Чёрного Пса в «Подзорной трубе», я снова заподозрил неладное и внимательно следил за коком. Но Сильвер был слишком хитёр, находчив и ловок для меня. Когда оба преследователя вернулись запыхавшись, признались, что потеряли беглеца в толпе, и получили нагоняй, словно сами были ворами, я уже готов был поручиться за невиновность Долговязого Джона Сильвера.

— Сам посуди, Хокинс, — сказал он, — в какое скверное положение я попал! Что теперь подумает капитан Трелони? Этот проклятый сын голландца сидит в моём трактире и пьёт мой ром. Приходишь ты и прямо говоришь мне, кто он такой, а я позволяю ему улизнуть у всех из-под носа! Ты уж расскажи капитану, как всё было, Хокинс. Ты ещё мальчишка, да смышлёный — я это сразу увидел, как только ты вошёл. Сам подумай, что я мог сделать с этой старой дере-

вяшкой, на которой ковыляю? Когда я был матросом первого класса, я бы быстро с ним поравнялся и в два счёта заставил лечь в дрейф. А теперь…

Он вдруг умолк, и челюсть у него отвисла, будто он что-то вспомнил.

— Счёт! — вырвалось у него. — Три порции рома! Чтоб мне провалиться, я ведь про счёт забыл!

Он повалился на скамью и хохотал так, что по щекам потекли слёзы. Я не удержался и засмеялся вместе с ним. Мы смеялись всё громче, пока весь трактир не зазвенел от нашего хохота.

— Ну и старый же я морской телёнок! — сказал он наконец, вытирая щёки. — Мы с тобой поладим, Хокинс. Клянусь, меня самого впору записать в юнги. Но ладно, пора менять галс. Так дело не пойдёт. Долг есть долг, товарищи. Надену свою старую треуголку, пойду с тобой к капитану Трелони и доложу о случившемся. Пойми, молодой Хокинс, дело серьёзное. Ни тебе, ни мне тут похвастаться нечем. А ты скажешь: «Сам-то ты тоже не отличился». Верно, оба мы сплоховали! Но чёрт меня побери, вот уж потеха вышла с этим счётом!

Он снова рассмеялся, да так заразительно, что я, хоть и не находил эту историю столь смешной, опять невольно засмеялся вместе с ним.

Пока мы шли вдоль причалов, он оказался на редкость занимательным спутником. Сильвер рассказывал мне о кораб-

лях, мимо которых мы проходили: об их парусах и снастях, тоннаже, о том, какой стране они принадлежат. Объяснял, что происходит на каждом: один разгружается, другой принимает груз, третий готовится выйти в море. Время от времени он вспоминал какой-нибудь случай из жизни кораблей или моряков либо повторял морское выражение, пока я не запоминал его как следует. Я начал думать, что лучшего товарища по плаванию и пожелать нельзя.

Когда мы пришли в гостиницу, сквайр и доктор Ливси сидели вместе и допивали кварту эля с поджаренным ломтиком хлеба. После этого они собирались подняться на шхуну и осмотреть её.

Долговязый Джон рассказал всю историю от начала до конца, живо и в точности так, как было. Время от времени он спрашивал: «Ведь так всё и было, Хокинс?» — и я всякий раз мог подтвердить каждое его слово.

Оба джентльмена пожалели, что Чёрному Псу удалось уйти, но все согласились, что теперь ничего не поделаешь. Долговязого Джона похвалили, и он, подхватив костыль, направился к выходу.

— Всем быть на борту сегодня к четырём! — крикнул ему вслед сквайр.

— Есть, сэр! — отозвался кок из коридора.

— Что ж, сквайр, — сказал доктор Ливси, — обычно я не слишком доверяю вашим находкам, но Джон Сильвер мне по душе.

— Он просто золотой человек, — заявил сквайр.

— А теперь, — добавил доктор, — Джим ведь может пойти с нами на борт?

— Разумеется, — сказал сквайр. — Бери шляпу, Хокинс. Пойдём смотреть корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.